

Тихомиров Е. А.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ
ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ
ВЕЛИКИЕ БИТВЫ
ЦАРСКАЯ КОРОНАЦИЯ

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Е. А. Тихомиров
Минин и Пожарский.
Покоритель Сибири. Великие
битвы. Царская коронация
Серия «Россия державная»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28519844

*Минин и Пожарский. Покоритель Сибири. Великие битвы. Царская коронация: Мир Книги Рутейл; Москва; 2012
ISBN 978-5-501-00189-3*

Аннотация

История не сохранила имени и отчества писателя Тихомирова, скромно называвшего себя «составителем» книг, которые он с редким постоянством, практически ежегодно, публиковал на протяжении сорока лет. Не установлены и годы его жизни. Известно лишь, что какое-то время он был преподавателем Коломенского уездного училища, и скорее всего исторические произведения Тихомирова были предназначены его ученикам в качестве методического материала. Кроме того, Тихомиров является составителем «Вечного календаря», а также автором «бестселлера» своего времени – книги «Загробная жизнь, или

Последняя участь человека», совсем недавно переизданной в России.

Первое из произведений этого сборника повествует о свершениях Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского и о значении их подвига для всего последующего развития России. В книге «Покоритель Сибири» обрисована личность Ермака Тимофеевича, приведены малоизвестные факты из его биографии. Повесть «Великие битвы» рассказывает о самых главных сражениях нашей истории, в которых решалась судьба русского народа. В последнем рассказе сборника подробно и обстоятельно описан обряд венчания русских царей на царство.

Содержание

Минин и Пожарский	6
Предисловие	6
Глава I	23
Глава II	31
Глава III	37
Глава IV	47
Глава V	61
Глава VI	66
Глава VII	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Е. А. Тихомиров
Минин и Пожарский.
Покоритель Сибири.
Великие битвы.
Царская коронация

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

* * *

Минин и Пожарский

Предисловие

*О Русь святая! Ты пережила
Тяжелую годину испытаний;
Но, чашу горькую испив страданий,
Ты духом встрянула и ожила.*

После нежданно-страшного и долгопамятного татарского погрома, в первой половине XIII века, земля Русская не переживала никогда такого печального и такого рокового времени, как в так называемое *Смутное время*, или в *Лихолевье*, когда государственная жизнь русского народа была потрясена до последних основ, когда отечеству нашему угрожала близкая опасность сделаться добычей враждебных соседей. Оно избежало этой опасности и не изнемогло в трудной борьбе благодаря религиозно-патриотическому одушевлению лучших сынов своих и вызванному ими всеобщему подъему народного духа.

В 1598 году царь Феодор Иоаннович скончался бездетным, и престол его занял шурин его Борис Годунов, добившийся венца хитростью, происками и убийством законного

наследника престола, младшего сына Иоанна Грозного, царевича Дмитрия.

С воцарением Бориса Годунова для Русской земли, казалось, настала золотая пора. «Наружностью и умом он, по словам современника, всех людей превосходил, много устроил в Русском государстве похвальных вещей. Был он светлодушен, милостив и нищелюбив». Но народ видел в нем царубийцу, и никакими щедротами не мог он купить народной любви. С другой стороны, многим знатным боярам была невыносима мысль, что Годунов, человек незнатный родом, да вдобавок потомок природного татарина, – царь, и им, потомкам Рюрика и Гедимины, приходится преклоняться перед ним. Князья Шуйские, Бельские, Голицыны и в особенности Романовы могли считать себя по своей родовитости более достойными, чем Годунов, занять престол. Борис знал, что у него много недоброхотов, и душу его волновала вечная боязнь и мелкая подозрительность. При нем постоянно было несколько иноземных врачей. Его окружала верная немецкая стража, осыпанная царскими милостями. Он придумал даже особую молитву о своем здравии и приказал громогласно читать ее всюду на пирах, когда пили за здоровье царя. Главной целью его жизни стало охранить себя от всякой опасности и утвердить на престоле свой род.

Но вот в 1600 году начали носиться темные слухи, будто царевич Дмитрий не убит в Угличе, а спасен близкими людьми; будто вместо него погиб другой, сходный с ним ре-

бенок. Слух этот должен был страшно поразить Бориса. Все его заветные мечты разбивались об ужасное для него имя Дмитрия. Что делать, если царевич действительно спасся от убийц? А Борис не мог быть уверен непоколебимо в том, что этого не могло случиться: ведь он своими глазами не видел тела Дмитрия. Коли сын Грозного жив, то ему, Борису, придется сойти с престола. Если даже и нет царевича в живых, а нашелся дерзкий самозванец, назвавшийся его именем, то и он очень опасный враг для Бориса, у которого было довольно врагов и в среде бояр, и в простом народе.

Борис понял, что ему готовится страшный удар. Но кто такой его враг, где он и существует ли в самом деле – или же он создан лишь враждебной молвой? Ничего этого Борис не знал. Положение его было крайне затруднительное. Ему надо было искать неведомого врага, не обнаруживая, кого именно он ищет. Покажи он явно, что ему страшно имя Дмитрия, настоящего или мнимого, – и враги не замедлят воспользоваться этим и создадут самозванца, если его еще нет. Надо было казаться спокойным и тайно выследить опасность.

Борис знал, что вражда к нему особенно сильна в среде бояр. Над ними надо было усилить тайный надзор. И вот он окружил себя шайкой доносчиков и наушников. По самому пустому подозрению, по первому, доносу начинаются розыски, пытки, мучения. За доносы и даже за клевету щедро награждали, и эта язва росла не по дням, а по часам. «Настала у Бориса в царстве великая смута. Доносили и попы, и дья-

коны, и чернецы, и черницы, и проскурницы, жены – на мужьев, дети – на отцов, отцы – на детей. За доносами следовали пытки, лишения имущества, ссылки». Явных казней не было, но зато на полном ходу были тайные убийства. Много «тесноты и обид» испытал народ, много было захвачено и перемучено людей, ни в чем не виноватых. В числе прочих бояр пострадали в особенности Романовы. Старший и самый даровитый из них, Федор Никитич, был пострижен в монахи под именем Филарета.

К этой «великой смуте» присоединилось еще зло другого рода: отечество наше постигли страшные бедствия – голод и моровое поветрие. В продолжение трех лет, начиная от 1601 года, были неурожаи. Народ стал голодать. Многие мелкие землевладельцы, не видя возможности прокармливать многочисленную дворню, прогоняли от себя своих холопов, увеличивавших собой толпы голодных нищих. Черный люд и бедняки стали умирать с голоду. Царь велел открыть свои житницы, продавать хлеб по дешевой цене, а беднякам раздавать деньги. Но между раздающими деньги нашлось много людей бессовестных, не стыдившихся утягивать гроши у нищих, умирающих с голоду; при раздаче милостыни являлись одетые в лохмотья родичи и приятели раздающих, а настоящие нищие, калеки, немощные и дотолпиться не могли. Несчастные ели сено, солому, собак, кошек, мышей, падаль. Целыми сотнями ежедневно умирал по улицам голодный люд. Стали ходить ужасные слухи, будто иные, обезу-

мевшие от голода, пожирали человеческое мясо... Начался страшный мор. В одной Москве, говорят, погибло несколько сотен тысяч народу от голода и мора. «И пременились тогда, – говорит современник, – жилища человеческие в жилища диких зверей: медведи, волки и лисицы стали обитать на местах сел человеческих, и хищные птицы из дремучих лесов слетались над горами человеческих трупов, и горы могил воздвигались на Руси» (Авраамий Палицын).

Голод и мор сопровождался грабежами и разбоями. От разбойничьих шаек не было проезду не только в глухих местах, но и по большим дорогам, даже под самой Москвой. Атаман одной многочисленной разбойничьей шайки, Хлопка Косолап, задумал даже сделать набег на саму Москву, так что пришлось выслать против разбойников целое войско.

Но настоящим гнездом и притоном людей, подобных Хлопке Косолапу и его товарищам, была Северная Украина (нынешние губернии Черниговская, Курская и Орловская), куда уходили толпы холопов, выгнанных господами, вместе с беглыми крестьянами (незадолго перед этим окончательно прикрепленными к земле и к господам), где находили себе пристанище все обиженные, недовольные, беспокойные, бесприютные. Здесь скоплялось все больше и больше разного недовольного, озлобленного люда, отбившегося от мирного труда. Здесь любой дерзкий проходимец мог наwerbовать себе целые полчища лихих людей, готовых ради корысти на всякое дело.

Среди этого гулящего, беспокойного люда уже ходила молва о том, что в Польше явился царевич Дмитрий, который намерен воевать за отцовское наследие с Борисом. И молва эта не была совсем неосновательна. В 1603 году в Польше действительно явился человек, выдававший себя за царевича Дмитрия, спасшегося в Угличе от убийц, подосланных Годуновым¹. Он был еще молод, лет двадцати с небольшим, и неказист с виду, но отличался удальством и живым, увлекающимся характером. Этот-то московский удалец нашел радушный прием у влиятельных польских вельмож, князей Вишневецких, и сошелся затем с сандомирским воеводой Юрием Мнишеком. При содействии иезуитов, давно уже искавших случая ввести в Московском государстве католическую религию, и под покровительством, хотя и негласным, польского короля Сигизмунда III самозванец успел набрать небольшое войско из праздной воинственной польской шляхты (мелких дворян), к которому присоединились разные московские беглецы и несколько тысяч запорожских казаков.

¹ До сих пор не разъяснено еще окончательно, кто именно был первый самозванец. Некоторые думают, что явившийся в Польше царевич Дмитрий, был дерзкий самозванец и полагают, что на самом деле он был беглым иноком Гришкой Отрепьевым, родом из мелких дворян. Но вернее предполагают, что бояре, враги Бориса, убедили кого-нибудь безродного, но честолюбивого и предприимчивого юношу в том, что он царевич Дмитрий, и тот с полной верой в правоту своего дела шел на Бориса. С другой стороны, несомненно, что истинный царевич Дмитрий был убит в Угличе и соперником Бориса был Лжедмитрий, хотя сам и не сознавал этого (*В. Д. Сиповский*. Родная старина. Выпуск 11, 1862. С. 318).

16 октября 1604 года Лжедмитрий со своим небольшим отрядом перешел Днепр и вступил в русские пределы. Украинские города один за другим отворяли ему ворота как законному государю. Соппротивление оказал только Новгород-Северский, в котором начальствовал мужественный воевода Петр Басманов. Вслед за тем самозванец потерпел решительное поражение под Севском, и положение его было очень плохо. Но московские воеводы не воспользовались своей победой и дали ему время опять оправиться и усилиться.

Вдруг распространилась весть, что царь Борис внезапно скончался (13 апреля 1605 года). Жители Москвы по призыву патриарха спокойно присягнули шестнадцатилетнему Феодору Борисовичу и матери его, причем клялись: «К вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать». Новый царь главным начальником войска назначил Басманова, на которого, казалось, можно было вполне положиться.

Между тем в Северщине народ все более переходил на сторону самозванца. Видя кругом себя колебание и неохоту сражаться против Лжедмитрия, Басманов изменил своему законному государю и перешел на сторону его соперника; примеру вождя последовало и все войско. Несколько изменников отправились в столицу, возмутили ее жителей, и Годуновы были низвержены.

20 июня самозванец с торжеством вступил в Москву. Но

недолго, всего только 11 месяцев, поцарствовал самозванный царь: его погубила легкомысленная самоуверенность, презрение к старым русским обычаям и дружба с поляками и иезуитами (между прочим, он вступил в брак с католичкой Мариною Мнишек, и венчание происходило 8 мая, в четверг на пятницу, под Николин день).

Бояре, принявшие сторону самозванца только для того, чтобы низложить Годуновых, воспользовались неудовольствием народным против Лжедмитрия и составили против него заговор, главным руководителем которого был Василий Иванович Шуйский.

17 мая 1606 года, рано поутру, заговорщики прорвались с толпой народа в Кремль, и мнимый сын Грозного был убит. Царем объявлен был Шуйский. Возведенный на престол толпой своих приверженцев, а не великой земской думой, Шуйский сделал многие уступки боярам и дал клятву не предпринимать ничего важного без их совета. Это обязательство ограничивало его самодержавную власть и произвело в народе неблагоприятное впечатление. Народ видел в Шуйском не настоящего царя, а только *полуцаря*, или *боярского царя*.

Скупой, нерешительный и неискusstный в управлении государством, Шуйский скоро заслужил общее нерасположение. И вот уже во второй год его царствования стал распространяться слух, будто Лжедмитрий спасся в Москве от смерти и опять нашел убежище в Литве. Василий Иванович думал, что самым лучшим средством против самозванцев, при-

крывающихся именем Дмитрия, будет перенесение в Москву мощей царевича. 3 июня мощи царевича с большим торжеством внесены были в столицу. Сам царь по всей Москве нес их до Архангельского собора, причем прославляли святость невинного младенца, погибшего под ножами убийц, Но это чествование Дмитрия напоминало народу вероломство и криводушие самого царя: в Москве помнили очень хорошо, как он свидетельствовал всенародно в 1591 году, что царевич сам умертвил себя в припадке падучей болезни.

Первое восстание в пользу мнимо спасенного царевича произошло опять в Северной Украине, которую на этот раз возмутил путивльский воевода князь Шаховской. Одним из начальников восстания явился Иван Болотников, бывший прежде холопом, а теперь только что воротившийся из татарского плена. Набрал войско из казаков, беглых крестьян и холопей, он разбил царских воевод и подступил к Москве. С ним соединились рязанские мятежники под начальством дворянина Прокопия Ляпунова и воеводы Сунбулова. Но Ляпунов и Сунбулов скоро помирились с царем, а Болотников, разбитый царским племянником Михаилом Скопиным, заперся в Туле вместе с князем Шаховским и одним казацким самозванцем, называвшим себя сыном Феодора Ивановича, Петром.

Царь собрал большое войско и лично осадил Тулу. Угрожаемые голодной смертью, мятежники сдались. Болотников и Лжепетр были казнены, а главный защитник восстания,

Шаховской, как боярин, был только сослан.

Наконец в Стародубе-Северском явился и новый Лжедмитрий (Лжедмитрий II) во главе буйной вольницы из беглых крестьян и холопей². К нему присоединились казаки и поляки под начальством гетмана, главного начальника войска Рожинского.

Самозванец расположился в 12 верстах от Москвы, в селе Тушине, откуда и получил прозвание *Тушинского вора*. Сюда насильно привезли к мнимому ее мужу и несчастную Марину Мнишек.

Между тем как Тушинский вор с Рожинским стояли под Москвой, сиюсь овладеть ею, литовские налеты (наездники), Сапега и Лисовский, занялись осадой Троицкой лавры в надежде воспользоваться ее прославленными богатствами. Но монахи с несколькими сотнями стрельцов (троицкие сидельцы) целых 16 месяцев оборонялись от неприятелей и, с помощью Божьей, отстояли святую лавру.

В то же время легкие тушинские отряды, рассеявшись по всему государству, приводили города один за другим в подданство самозванцу. Тушинский лагерь скоро превратился в целый город. В самой Москве нельзя было положиться на верность ратных людей: многие ради жалованья или высшего титула переходили на службу к тушинскому *царику*, а потом

² Кто был этот второй Лжедмитрий – трудно сказать по разноречивости известий о нем. По наиболее вероятному сказанию, он был родом из Стародуба, по происхождению попович. Во всяком случае, это был хитрый и смелый самозванец.

возвращались к московскому *полуцарю* с изъявлением много раскаяния, не стыдясь по несколько раз повторять эту измену (таких в насмешку называли *перелетами*). Смятение во всем государстве было несказанное: все дышало крамолой и изменой, везде было брожение и шатость.

В таком страшном положении царь Василий решился искать иноземной помощи: он послал своего племянника Скопина в Новгород просить помощи у шведского короля Карла IX. Шведский король, опасаясь господства поляков в России, отправил на подмогу царю московскому 5 тысяч человек под начальством генерала Делагарди. Шведское войско соединилось с ополчением, набранным Скопиным в северо-западной Руси, и двинулось на очищение государства от тушинцев.

Вскоре дела приняли оборот, благоприятный для Шуйского – отпавшие области снова признали его царем. Скопин-Шуйский разбил Сапегу при Колязине монастыре и собирался разметать Тушинский лагерь. Когда польский король Сигизмунд III подступил к Смоленску, поляки, бывшие с самозванцем в Тушине, перешли к своему королю. Тушинский вор убежал в Калугу, куда вслед за ним прискакала и злополучная Марина, переодетая гусаром. Тогда Рожинский сжег лагерь и отступил с поляками на запад. Казаки, многие русские изменники, холопы и беглые крестьяне опять пристали к самозванцу.

Между тем Московское государство стало оправляться.

Герой Скопин, с восторгом встреченный москвичами как избавитель, готовился идти на Сигизмунда под Смоленск, но вдруг занемог и умер, отравленный, по свидетельству современников, на пиру у князя Воротынского женой царского боярина Дмитрия Шуйского, надеявшегося наследовать престол после бездетного Василия и видевшего в общем любимце-племяннике соперника себе.

По смерти Скопина царь Василий стал еще ненавистнее народу. Когда же в Москву пришла весть о поражении близ деревни Клушина гетманом Жолкевским царского войска, отправленного под начальством Дмитрия Шуйского, столица, взволнованная Захарием Ляпуновым, братом Прокопия, возмутилась. Василия низложили с престола (1610). Вслед за тем он был насильно пострижен в монахи и заключен в Чудов монастырь.

Наступило безгосударное время. Правительственная власть перешла в руки верховной думы, состоявшей из семи бояр (Семибоярщина), между которыми первым был князь Мстиславский. Надлежало прежде всего решить, кому быть царем. Но тут обнаружилось сильное разногласие: некоторые держали сторону тушинского Лжедмитрия; патриарх Гермоген, возведенный в патриарший сан при Василии Шуйском, советовал избрать государя из среды русских бояр; верховная дума предлагала пригласить на царство Владислава, сына польского короля Сигизмунда.

Появление гетмана Жолкевского с войском под стенами

Москвы решило спорный вопрос в пользу королевича. Бояре вступили в сношения с Жолкевским и согласились присягнуть Владиславу, однако с тем непременно условием, чтобы он принял православную веру, женился на русской и правил с властью, ограниченной боярами и высшим духовенством. Для окончательного решения дела отправлено было к польскому королю посольство, во главе которого находились князь Василий Васильевич Голицын и ростовский митрополит Филарет³. Гетман Жолкевский с согласия бояр занял столицу со своим войском, но узнав, что Сигизмунд желает сам быть царем Московским, немедленно уехал под Смоленск, оставив в Москве гарнизон под начальством Гонсевского.

Между тем русские послы вели под Смоленском бесполезные переговоры с польскими вельможами, которые в первую голову требовали сдачи Смоленска, осаждаемого Сигизмундом. Так как послы наши никак не хотели согласиться на это, то Сигизмунд объявил их пленниками и отправил в Польшу, куда отвезли также и бывшего царя Василия с братьями.

Почти в то же время тушинский самозванец был застрелен одним из своих приближенных, крещеным татарин Урусовым. Смерть его развязала руки тем из русских, которые согласились признать царем Владислава только из страха ко второму Лжедмитрию. Притом же весть о замыслах Сигизмунда, ярого католика, возбуждала в Москве общий

³ Прежде боярин Феодор Никитич Романов. В царствование сына его, Михаила Феодоровича, он получил сан патриарха всероссийского.

ропот.

Патриарх Гермоген, «начальный человек» в это безгосударное время, разослал по городам грамоты, в которых призывал ратных людей на защиту веры и отечества. Составилось ополчение. Дружины двадцати пяти городов подступили к Москве. К ним присоединилась служившая прежде Тушинскому вору казацкая вольница под начальством Трубецкого, Заруцкого и других предводителей.

Ополчение, подступив к Москве, на ее месте нашло одно пепелище, среди которого возвышались стены Кремля и Китай-города: на Страстной неделе (1611) поляки, теснимые взбунтовавшимися против них москвичами, сожгли столицу. Польский гарнизон крепко засел в стенах Кремля и Китай-города и мужественно выдерживал осаду русского ополчения, подступавшего в числе 100 тысяч человек.

Установлено было временное правительство. С общего согласия начальство над войском и управление государственными делами приняли на себя трое вождей: князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Иван Мартынович Заруцкий и думный дворянин Прокопий Петрович Ляпунов. Но эти вожди постоянно ссорились между собой. По уму и горячей преданности общему делу из них выдавался особенно Ляпунов. Но он возбудил против себя неудовольствие своим крутым нравом и неуступчивостью.

Особенно ненавистен он стал казакам, которых строго преследовал за убийство и грабежи. Этой ненавистью каза-

ков воспользовался Гонсевский, чтобы погубить Ляпунова как человека наиболее опасного для поляков: он переслал в казацкий стан подложную грамоту, написанную от имени Ляпунова и заключавшую в себе приказ истреблять казаков. Казаки, по своему обычаю, собрались в круг, призвали Ляпунова к ответу и изрубили его саблями.

Со смертью главного вождя земское ополчение расстроилось, дворяне разъехались по домам, а казаки хотя и остались под стенами столицы, но занимались более грабежом соседних областей, нежели осадой.

Бедая за бедой обрушивалась над Русской землей. Смоленск после двадцатимесячной доблестной обороны сдался Сигизмунду. Новгород, еще не забывший своей древней политической независимости, отделился от Москвы и отдался под покровительство Швеции. Псков, в котором в Смутное время происходила борьба между лучшими гражданами, сторонниками московского правительства, и меньшими людьми, приверженцами казацкой вольницы и простонародья, признал царем Лжедмитрия III (бывшего дьякона Исидора, по другим известиям – московского дьякона Матвея).

В разных местах появились отряды «шишей» (партизан). Казань присягнула сыну Марины (от второго Лжедмитрия). В Астрахани происходили сильные смуты, и явились один за другим самозванцы. С юга набегали на русские земли татары. На востоке взбунтовалась черемиса.

Более плачевного состояния не бывало на Русской земле.

Казалось, ее разорвут на части. Шведы в Новгороде, самозванец во Пскове, поляки в Смоленске и в самом сердце Русской земли, в Москве, в священном Кремле. Шайки их рыщут по дорогам и селам, грабят все, чего недограбили раньше, разоряют то, чего прежде недокончили. Казацкие полчища под Москвой под видом защиты русского дела ищут только наживы; ватаги их, посылаемые за кормом по волостям, обирают и теснят несчастный люд не меньше поляков.

Земля опустошена, святыни поруганы, всякое правительство уничтожено, враги-хищники и внутри земли, и по окраинам ее.

В довершение всех бедствий настал голод. «И было тогда, – говорит современное сказание, – такое лютое время Божия гнева, что люди и не чаяли впереди спасения себе. Чуть не вся земля Русская запустела. И прозвали старики наши это лютое время *Лихолетьем*, потому что тогда была на Русскую землю такая беда, какой не бывало с начала мира: великий гнев Божий на людях, глады, моры, зябели на всякий плод земной. Звери пожирали живых людей, и люди людей ели. Пленение было великое людям! Жигимонт, польский король, все Московское государство велел предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благодеяния земли Русской».

Казалось, пришел конец Русской земли...

В подобном безвыходном положении находилась некогда (в начале XV в.) Франция, которой угрожало английское за-

воевание. Когда, казалось, все погибло, явилась из Лотарингии вдохновенная Иоанна д'Арк. Чего не могли сделать при всех усилиях король и его вельможи, то совершила без труда Орлеанская дева: Францию спасла молодая простодушная крестьянка.

И на святой Руси, когда она стояла на краю гибели, явился такой вдохновенный, простой и незнатный человек, именем которого неразрывно связано спасение ее от лютых врагов.

Глава I

*... Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе
И пробуждать, как колокол воскресный
Уснувшие сердца.*

Жив еще был русский народ, и не умерла еще в нем святая вера, его главная сила и опора. Опираясь на эту силу, он воспрянул духом и восторжествовал над своими врагами. В скорбную, безотрадную пору междуцарствия Троице-Сергиева лавра явилась истинным ковчегом спасения, верная духу и примеру святого основателя ее. Когда смолк голос патриарха Гермогена, этого страдальца за веру и отечество, запертого в тесное заключение и затем заморенного голодом, заговорил другой великий подвижник – Дионисий, архимандрит Троицкой лавры. Архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын⁴ рассылали во все концы гибнувшего государства красноречивые увещательные грамоты, в которых яркими чертами изображали неистовство поляков, поруга-

⁴ Так назывались в старину монахи, заведовавшие монастырскими вотчинами и всеми недуховными делами. Авраамий Палицын, происходивший из знатного рода, известен еще и тем, что составил описание печальных событий, происходивших в Русской земле в его время, и особенно осады Троице-Сергиева монастыря.

ние святыни, гибель отечества и слезно умоляли весь народ русский собрать последние силы и идти на очищение Москвы от неприятеля. Эти грамоты, переписанные во множестве списков «борзыми писцами», пересылались из города в город и возбуждали в народе сильное религиозное воодушевление, особенно в северо-восточных областях России, менее других пострадавших от польских и казацких шаек.

Возбуждение народа было сильно. По всем важнейшим городам зашумели оживленные сходки. Сходились и горожане, и соседние крестьяне для земского совета, чтобы всем миром надумать, как беде пособить. Города стали пересылаться между собой грамотами, побуждая друг друга стать заодно против общих врагов. Воодушевление народа росло. Нравственное и религиозное возбуждение становилось все сильнее и сильнее. Повсюду стала носиться молва о чудесных видениях и знамениях. Говорили, что в Нижнем Новгороде один благочестивый человек, Григорий, сподобился в полночи страшного видения: видел он, будто крыша с его дома снялась, великий свет осиял его покой, и явились два благолепных мужа с воззванием о покаянии и очищении всего государства⁵. Носились слухи о видениях во Владимире, в Троицкой лавре.

Набожный народ только от Божьей помощи ждал спасения и считал необходимым особенным способом очиститься от грехов и умилоствовать Бога покаянием и постом. По всем

⁵ См.: Приложение I. С. 66.

городам приговорили поститься три дня в неделю, в понедельник, вторник и среду ничего не есть, а в четверг и пятницу сухо есть. Так готовился народ к великому делу. Настроение народа было таково, что он готов был всеми силами подняться на борьбу. Нужно было только начало, толчок да нужен был настоящий русский вождь.

Этот толчок был дан, и такой вождь нашелся.

В октябре 1611 года в Нижнем Новгороде получена была грамота из Троицкого монастыря. Воевода Алябьев с товарищем своим Репниным созвал к себе на воеводский двор старейших людей из города. Пришли туда Печерского монастыря архимандрит Феодосий, соборный протопоп Савва, священники, дьяконы, дворяне, дети боярские и посадские старосты, а в числе последних был Козьма Захарьевич Минин-Сухорук. Был он ремеслом *говядарь*, мясной торговец, или, вероятнее, торговец скотом. Прежде он служил в ратной службе воеводы Алябьева и был несколько знаком с ратным делом. Этот-то староста Козьма Захарьевич, пользовавшийся общим уважением в городе, сказал собравшимся такое слово:

– Вот прислана грамота из Троицкого Сергиева монастыря. Прикажите прочитать ее в церкви народу. А там – что Бог даст. Мне было видение: явился святой Сергей и сказал мне: «Разбуди спящих».

На другой день зазвонили в большой колокол у Святого Спаса – а день был не праздничный. Народ понял, что

неспроста звонят большим звоном, и скоро весь собор был набит битком. Отслужили обедню. После обедни взошел на амвон протопоп Савва и обратился к народу с такой речью:

– Православные христиане, господа братии! Горе нам! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнет наше Московское государство, гибнет и православная вера! Горе нам, великое горе, лютое обстояние. Литовские и Польши люди в нечестивом совете своем умыслили Московское государство разорить и обратить истинную веру Христову в латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испустит источники слез! Ради грехов наших Господь попустил врагам нашим возноситься. Горе нашим женам и детям! Еретики разорили до основания богохранимый град Москву и предали всеядному мечу детей ее. Что нам творить? Не утвердиться ли нам на единение и не постоять ли за чистую и непорочную Христову веру и за святую соборную Церковь Богородицы, Ея честного Успения и за многоцелебные мощи московских чудотворцев? А вот грамота просительная властей Живоначальные Троицы, монастыря Сергиева⁶.

Была затем прочтена грамота, призывающая весь народ на спасение православной веры и отечества. Народ умилился. Многие плакали. Говорили люди со слезами и жалостными стонами: «Горе нам, беда нам! Погибла Москва, царствующий град. Погибнет все наше Московское государство!»

Вышел народ из собора и столпился подле церкви. Тут

⁶ См.: Приложение II. С. 67.

староста Козьма Захарьевич Минин-Сухорук заговорил к народу громким голосом:

– Православные люди! Коли хотим помочь Московскому государству, не пожалеем достояния нашего, да не только достояния – дворы свои продадим, жен и детей в кабалу отдадим, будем бить челом, чтобы шли заступиться за истинную веру и был бы у нас начальный человек. Дело великое мы совершим, если Бог поможет нам. Слава будет нам от всей земли Русской, что от такого малого города произойдет такое великое дело. Я знаю: только мы на это дело подвигнемся, многие города к нам пристанут, и мы вместе с ними дружно отобьемся от иноземцев.

Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слезно.
Вы слышали их слезное прошение?
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца окаменели?
Но все ль мы, братья, от одной купели?
И аще, братья, похотим помочь,
Не пожалеем наших достояний,
Не пощадим казны и животов:
Мы продадим дворы свои и дома,
А будет мало – жен, детей заложим!

Горячая, вдохновенная речь Минина пришлась по сердцу всем: в ней сказалось то, что давно было в сердце у всех. У многих слезы брызнули из глаз.

Начались частые сходки. Козьма Минин всем орудовал, убеждал всех, что надо ополчаться, клич кликать по служилым людям. Но для содержания ратных людей требуется казна, деньги. Это был самый первый и существенный вопрос, от которого зависел успех всего дела. Минин первый понимал всю важность этого вопроса и уже решил его самым делом – в пример и в подражание своим согражданам. Ему принадлежало первое слово, и от него же пошло начало дела.

– Я, убогий, с товарищами своими, – объявил он нижегородцам, – всех нас две тысячи человек, а денег у нас в сборе тысяча семьсот рублей, дали третью деньгу. У меня было триста рублей, и я сто рублей в сборные деньги принес; то же и вы сделайте.

– Будь так, будь так! – согласились с ним все.

Итак, решено было в казну на содержание ратных людей собирать со всех по третьей деньге (то есть третью часть имущества). Желание послужить великому делу освобождения отечества было так сильно, что многие стали жертвовать гораздо больше, несли последнее достояние свое на общую пользу, говоря: «Почто нам сия суетня, когда вера Христова погибает?» Приносили кроме денег разные ценные вещи, много лет хранившиеся в сундуках, даже серебряные и зо-

лотые оклады со святых икон. Одна вдова, говорится в летописи, принесла к сборщикам десять тысяч рублей и сказала: «Я осталась после мужа бесчадна. Было у меня двенадцать тысяч; даю десять, а себе оставляю две». Были, правда, и такие уроды в семье, которые старались уклониться от необходимой жертвы на общее дело, ставя выше всего на свете свой личный интерес. Таких узкосердечных людей силой заставляли нести общую повинность.

Итак, вопрос о казне был решен. Теперь нужно было подумать о том, кого из бояр выбрать начальным человеком ратной силы. Такое святое дело, какое затевалось, надо было отдать в чистые руки. Нужно было выбрать такого вождя, который не только имел бы опытность в ратном деле, но и не был бы замешан в Русской земле ни в каком дурном деле. А такого выдающегося человека нелегко было найти с первого раза. Много бояр осрамили себя в прошлые годы: одни тем, что приставали к ведомому вору, тушинскому самозванцу, а другие тем, что кланялись полякам и держали их сторону. Теперь иные из них хоть и раскаялись, увидев ясно, что поляки только обманывают русских, – да народ уже им не верил. Притом же важнейшие бояре сидели в Москве, в Кремле, и если бы который из них и захотел пристать к своим, поляки не выпустили бы его из Кремля.

В уме Минина, правда, вопрос о воеводе был уже решен. Но ему нужно было еще увидаться с тем, на кого пал его выбор, и переговорить с ним предварительно, согласится ли

он принять начальство над имеющим составиться ополчением. Поэтому, когда нижегородцы обратились к Козьме Захарьевичу за советом по занимавшему всех теперь вопросу, он не дал им положительного ответа, а попросил обождать несколько дней.

Глава II

*Кто подымет,
Кто поведет народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.*

Оставим на время «преименитый» Нижний Новгород, в котором уже мнилась заря спасения нашего отечества, и перенесемся за 120 поприщ (верст) от него в Суздальский уезд, где в описываемое нами время проживал в одном из своих имений другой главный герой нашего рассказа – князь Пожарский.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, большой стольник и воевода, происходил от древнего рода князей Стародубских⁷. Он родился в 1578 году и двадцати лет от роду был уже стряпчим, подписав в этом звании грамоту об избрании Бориса Годунова на царство. В 1608 году он поразил под Коломной отряд тушинцев. В следующем году он разбил наголову при речке Пехорке Салькова, перехватившего со своею разбойничьей шайкой Коломенскую дорогу, по ко-

⁷ Родоначальник князей Стародубских был Иван Всеволодович, сын великого князя Всеволода Большое Гнездо, получивший в 1236 году от брата своего, великого князя Ярослава Всеволодовича, город Стародуб на Клязьме, в Суздальской области (в 12–14 верстах от теперешнего уездного города Коврова, Владимирской губернии).

торой шли в Москву запасы из Рязанской земли. В 1610 году, когда города один за другим отлагались от царя Василия, он удержал в покорности ему город Зарайск. После низложения Шуйского, как только Прокопий Ляпунов поднялся против польской власти, князь Дмитрий Михайлович был из первых, вставших заодно с ним. На Страстной неделе 1611 года, во время приступа русского ополчения в Москве, занятой поляками, князь Пожарский оказал со своим передовым отрядом помощь москвичам против поляков: соединившись с пушкарями, он отбил напавшего неприятеля, втоптал его в Китай-город и поставил себе острожок (укрепление) у Введения на Лубянке. Во время этой схватки он был ранен и отвезен в Троицкую лавру, а оттуда перевезен в свое имение – село Пурих, где и жил в описываемое нами время и теперь чуть оправился от ран.

Итак, вот на кого пал выбор Козьмы Захарьевича Минина, вот кому он имел в виду «ударить челом, чтобы вступился за истинную православную веру и был у них начальным человеком». Выбор его пал на человека вполне достойного. Пожарский обладал всеми качествами, необходимыми для русского вождя в это трудное и опасное время. Он был чист во всех делах своих, не мыслил и не делал никакой неправды, не был в воровских шайках, не просил милости у польского короля, не кланялся и не мирволил полякам. И ко всему этому это был воевода опытный и искусный в ратном деле.

Но этот избранник лежит теперь больной от тяжелых ран,

свидетельниц его любви к родине. В состоянии ли он будет принять на себя новые нелегкие труды? Необходимо было свидеться и переговорить с ним, заручиться его словом. И Козьма Захарьевич отправился к нему для предварительных личных переговоров.

Летописи не сохранили нам положительных свидетельств о первом свидании двух великих людей, имевшем столь важное значение для великого дела, совершенного ими. Говорят, впрочем, что князь Дмитрий Михайлович сначала не придавал никакого значения посещению нижегородского посадского старосты. Но когда этот староста, допущенный в опочивальню больного князя, с необыкновенным одушевлением заговорил о бедствиях и страданиях отечества, о необходимости неотложной помощи и о приготовлениях, начатых в его родном городе, князь сразу почувствовал в нем родственную себе душу. Забыв в эту минуту свои страдания, он приподнялся на постели и с горячим вниманием и сочувствием слушал задушевно-вдохновенную речь своего гостя.

Затем Минин перешел к прямой цели своего посещения и с таким жаром умолял князя сжалиться над бедствиями отечества и встать во главе имеющего составиться ополчения, что доблестный князь не мог не склониться на его убеждения. Подавая своему будущему сподвижнику руку и указывая на свой меч, Пожарский сказал: «Мужаемся и укрепимся о людех наших и о градах Бога нашего, и Господь сотворит благое пред очима Своима».

Таким образом, у одра болезни князя Пожарского пред-
решена была будущая участь нашего отечества!

Заручившись согласием князя Дмитрия Михайловича, Минин предложил на сходке своим согражданам выбрать его начальником ополчения. Предложение его было принято с единодушным согласием. «Хотим, хотим его, люб он нам!» – неслоь со всех сторон. Тогда решено было отправить к нему посольство.

Воля Божья!

Пожарского избрали мы всем миром,

Ему и править нами. Глас народа –

Глас Божий. Выборных людей пошлем

Просить и кланяться, чтоб шел к нам на спех.

Послами были отправлены печерский архимандрит Феодосий и дворянин добрый Ждан Петрович Болтин, да изо всех чинов лучшие люди. Они просили Пожарского от всего Нижнего Новгорода постоять за землю Русскую и принять начальство над ополчением. Князь Пожарский сказал послам: «Я рад за православную веру пострадать до смерти; и вы изберите из посадских людей такого человека, чтоб ему вмочь и за обычай было со мною быть у нашего великого дела: ведал бы он казну на жалованье ратным людям». Послы стали думать, кто бы на это дело годился, но Пожарский не дал им долго ломать головы и сказал: «У вас в городе есть такой человек – Козьма Захарьевич Минин-Сухорук. Чело-

век он бывалый, ему такое дело на обычай».

Возвратившись домой, послы рассказали на сходке, что им отвечал князь Дмитрий Михайлович. Тогда весь мир приступил к Козьме Захарьевичу; отправились к нему нижегородцы на дом⁸ и стали просить, чтобы он был у великого дела, собирал бы казну и заведовал ею. Минин сначала отговаривался, но не оттого, что в самом деле не хотел принимать на себя важного дела, а за тем, чтобы его поболее просили и чтобы вытребовать себе полную власть, необходимую для успеха самого дела. Наконец он принял предлагаемую должность и сказал: «Когда так, я прошу, поставьте приговор, приложите руки на том, чтобы слушаться меня и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, ни в чем не противиться, давать деньги, нужные на жалованье ратным людям; а если денег не будет, то силою брать у вас животы, даже жен и детей в кабалу отдавать, чтобы ратным людям скудости не было».

Приговор был составлен и подписан миром. Благоразумный и предусмотрительный Минин тотчас же отправил этот приговор к князю Дмитрию Михайловичу: он сделал это затем, чтобы нижегородцы не одумались и не переменили своей воли, когда у них остынет первый пыл увлечения. Затевалось дело великое, неизбежно требовавшее и жертв великих. Минин назначил оценщиков и велел ценить у всех дворы,

⁸ Минин жил в Благовещенской слободе, в приходе Рождества святого Иоанна Предтечи.

скот, имущество, и от всего брал пятую деньгу (то есть пятую часть); а у кого не было денег, у того продавал имущество. Не давал он ослабы ни духовенству, ни монастырям, ни богатым, ни бедным. Положено было, чтобы никто не остался, не дав своей доли для общего дела.

Глава III

*Спешите, верные сыны,
Спасать отчизну дорогую!*

Не успел еще избранный воевода прибыть в Нижний Новгород, а уж ополчение собиралось. По всем ближайшим городам быстро разнеслась весть, что нижегородцы встали и готовы на всякие пожертвования для ратных людей. Пришли в Нижний смоляне из Арзамаса. Это были прежние помещики Смоленской земли. Выгнанные поляками после завоевания Смоленской области, они пришли под Москву и просили у начальников подмосковного ополчения крова и хлеба. Их отправили в Арзамас – поселиться в тамошних дворцовых волостях. Но когда они пришли в Арзамас, дворовые люди не хотели слушать грамот Заруцкого и Трубецкого и служить прибывшим дворянам. Тогда последние ушли в Нижний Новгород. Нижегородцы приняли скитальцев; они составили первое ядро будущей рати. Из числа их некоторые были отправлены к князю Пожарскому челобитчиками – просить его, чтобы он скорее приезжал в Нижний.

Пожарский, уже выступив из своей вотчины, на дороге встретил дорогобужан и вязьмичей, детей боярских. Заруцкий отправил их селиться в Ерополче (или Ярополче – ны-

нешние Вязники, уездный город Владимирской губернии), но там им не дали поместья, и они отправились к Нижнему Новгороду.

Наконец князь Пожарский прибыл в Нижний, где его ждали с таким нетерпением, и был встречен с великой честью. Прежде всего новый начальник ополчения занялся раздачей жалованья ратным людям. Но скоро нижегородской казны стало недостаточно; нужно было писать во все города, просить их содействия. От имени главного вождя и всех ратных и земских людей Нижнего Новгорода написана была возбудительная грамота и разослана в списках по городам с гонцами в Кострому, Вологду, Казань, Ярославль, Углич, Белозеро, Владимир, Рязань и во многие другие города. В этой грамоте говорилось:

«По Христову слову встали многие лжехристи, и в их прелести смялась вся земля наша, встала междоусобная брань в Российском государстве и длится не малое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и Бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием, быть нам всем, православным христианам, в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать и своим произволом, без совета всей земли государя не выбирать, а про-

свить у Бога, чтоб дал нам государя благочестивого, подобно-го прежним природным христианским государям. Изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадюю; но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищенья; многие покушаются, чтоб быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разорение, прося у Бога милости, идем все головами своими на помощь Московскому государству; да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смоляне, дорогобужане и вязьмичи и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы, всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налога или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться: как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы всею землею о том совет учиним и дурна никакого

ворам делать не дадим; самим вам известно, что к дурну ни к какому до сих пор мы не приставали, да и вперед никакого дурна не захотим. Непременно быть бы вам с нами в одном совете и ратными людьми на польских и литовских людей идти вместе, чтоб казаки по прежнему не разогнали низовой рати воровством, грабежом, иными воровскими заводами и Маринкиным сыном. А как мы будем с вами в сходе, то станем над польскими и литовскими людьми промышлять вместе заодно, сколько милосердый Бог помощи подаст, о всяком земском деле учиним крепкий совет, и которые люди под Москвою или в каких-нибудь городах захотят дурно учинить или Маринкою и сыном ее, новую кровь захотят начать, то мы дурна никакого им сделать не дадим. Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Как только эта призывная грамота, возвещавшая второе восстание земли, приходила в какой-нибудь город, воеводы посылали бирючей (рассыльщиков) собирать в город людей. Приказывали прочитать грамоту в соборной церкви; потом народ собирался на сходку. Там постановляли миром взять такую-то деньгу со всех по разверстке (известную часть с оценки имущества), составить ополчение; назначали, куда ему выходить и куда идти, кому оставаться беречь город. Го-

товили поход и оружие, а женщины пекли сухари и приготавливали сухое толокно в поход ратным людям. Собирались деньги на жалованье ратным людям и отсылались нижегородцам, а потом отправлялись к Нижнему и ополчения.

Скоро стали приходиться в Нижний ратные люди из соседних городов. Князь Пожарский устраивал на свой счет кормы, а Минин раздавал им жалованье по статьям, кто чего был достоин по своей службе (первой статье – 50 руб., второй – 45 руб., третьей – 40 руб. и меньше; 30 руб. жалованья не было). Дворяне и дети боярские, у которых были поместья, отказались от денежного жалованья, а раздавалось жалованье казакам и стрельцам.

Первыми пришли в Нижний коломенцы, изгнанники из родного города, бывшего тогда в руках Марины; за ними пришли рязанцы; вслед за тем пришли служилые люди украинских городов, пришли добрые казаки и стрельцы, сидевшие в Москве в осаде с царем Василием.

Между тем дурные вести пришли оттуда, откуда менее всего можно было ожидать их. Казань, до сих пор так сильно увещевавшая другие города к общему делу, теперь сама отказалась участвовать в нем по заводу дьяка Никанора Шульгина. Как видно, Шульгин был недоволен тем, что не царственная Казань, главный город Понизовья, и не он, Шульгин, захвативший в ней всю власть, стали в челе восстания, а второстепенный Нижний со своим земским старостой. На сторону Шульгина перешел и стряпчий Биркин, посланный

из Нижнего в Казань к тамошним властям для совета о Московском государстве и также недовольный первенством Пожарского и Минина в Нижнем.

Получив весть о недобром совете Шульгина и Биркина, князь Пожарский, Минин и все ратные люди положили упование на Бога, и как Иерусалим был очищен последними людьми, так и в Московском государстве последние люди собрались и пошли против безбожных латинян и против своих изменников.

Так кончился 1611-й и начался 1612 год.

Между тем в Москве и под Москвой в это время творилось недоброе: мнимые защитники Москвы, казаки, дошли до крайних пределов бесчинства. В конце января в Костроме и Ярославле явились грамоты от московских бояр с увещанием отложиться от Заруцкого и быть верными царю Владиславу. «Теперь, – писали бояре, – князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий стоят под Москвой на христианское кровопролитие и всем городам на конечное разорение; ездят от них из табора по городам беспрестанно казаки, грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают. Церкви разоряют, иконы святые обдирают и многие скаредные дела на иконах делают, чего ум наш страшится написать. А польские и литовские люди, видя наше непокорство, также города наши опустошают и воюют... Теперь вновь те же воры Ивашка Заруцкий с товарищами государей выбирают себе таких же воров казаков: сына калужского вора, о котором и

поминать непригоже; а за другим воров под Псков послали, таких же воров и бездушников... И такими воровскими государями крепко ли Московское государство будет и кровь христианская литься и Московское государство пустошности вперед перестанет ли?»

Бояре писали правду: казаки действительно вошли в сношения с псковским самозванцем, и 2 марта подмосковный стан присягнул этому воровскому государю.

Около этого времени скончался смертью мученика добрый подвижник за веру и отечество, патриарх Гермоген, преподав заочно благословение нижегородскому ополчению. Когда в Москву дошла весть о том, что в Нижнем составляется ополчение, она всполошила не только осажденных поляков, но и осаждавших – казаков. Поляки и русские изменники приступили к Гермогену и требовали, чтобы он написал в Нижний и велел распустить ополчение и остаться верными присяге, данной Владиславу. Но твердый и несокрушимый старец отвечал: «Да будет над ними милость Господа и Бога, а от нашего смирения – благословение; а на изменников да излиется гнев от Бога, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем». За это патриарха стали содержать в большей тесноте и томить голодом. Он скончался 17 февраля голодной смертью и погребен был в Чудовом монастыре⁹.

⁹ В царствование Алексея Михайловича тело патриарха Гермогена перенесено (в 1652 году) из Чудова монастыря в Успенский собор и с большим торжеством

Заруцкий понял, что ему и его своевольному полчищу грозит опасность от новой земской ратной силы. Он послал от имени Марины посла в Персию, чтобы найти там себе союз; но письмо его было перехвачено в Казани. С другой стороны, Заруцкий заботился о том, чтобы нижегородское ополчение не захватило верховых городов Поволжья, и отправил в Ярославль Андрея Просовецкого мешать ярославцам соединиться с нижегородским ополчением. Князь Трубецкой, конечно, не замечал, что затевает его властелин товарищ. Вот как было хотели встретить нижегородцев из-под Москвы те именно воеводы, к которым на помощь призывали народ троицкие грамоты. Правду говорили нижегородцы, отправляясь в поход, что они теперь – последние люди.

Однако вероломная попытка Заруцкого не удалась: ярославцы, проведав заранее о его замыслах, дали знать Пожарскому. Предводитель ополчения немедленно послал передовой отряд под начальством своего двоюродного брата, князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопаты, и дьяка Семёна Самсонова занять Ярославль. Они вошли в этот город прежде, чем дошел до него Просовецкий, и посадили в тюрьму присланных им казаков. Узнав, что Ярославль перехвачен, Просовецкий не пошел туда.

Ярославцы ожидали нижегородцев, но ополчение медлило с выходом из Нижнего, ожидая помощи из Казани. Князь Пожарский и Минин, подождав казанцев, догадались, что

в Казани происходит что-нибудь недоброе, и решились не ожидать оттуда помощи.

Великим постом, в начале марта, нижегородское ополчение наконец тронулось в поход к ярославцам. В этом городе задумано было устроить главную квартиру для ополчения, потому что он был в самом деле срединным городом для сбора рати. Трогательны были проводы ополчения: при звоне колоколов, при звуке ратных труб ратные люди, отряд за отрядом, выступали из Нижегородского кремля. Весь город был на ногах; все молились и плакали, провожали – кто мужа, кто брата, кто отца, кто детей на великое и славное дело.

Аксенов

(старик, торговый человек)

Нижегородцы Нижнего Посада.

Тебя наш воевода, князь Димитрий

Михайлович, и с выборным, с Кузьмою

Захарьичем, в дорогу с хлебом с солью

Желаем проводить.

(Подает хлеб-соль.)

Пожарский

Нижегородцы! Мы за вас идем

С врагами биться, жизни не жалея;

А вы всещедрого молитесь Бога,

Чтобы Московское нам государство

В соединенье видеть, как и прежде,

Как при великих государях было;

Кровопролитье б в людях перестало,
А видеть бы покой и тишину,
Как и доселе было в государстве.

Минин

Друзья, нижегородцы! Ваше войско
Пошло к Москве; его вы снарядили
И проводили. Буде Бог пошлет,
И нашим подвигом мы Русь избавим,
Великую от Бога примет милость
За избавленье христианских душ.
И во все роды, в будущие веки,
К навечной похвале нам учиниться,
На славу нам и на помин душ наших.

Пожарский

Пойдемте с Богом!
Войско трогается.
Народ. Прощайте, Божьи воины! Помогите нам Господь!
Вы за нас страдальцы, а мы за вас богомольцы.

Глава IV

*Ангелам своим заповедает о тебе – охранять
тебя на всех путях твоих.*

Псал. 90, ст. 11

Первые шаги нижегородского ополчения были для него настоящим торжеством. Везде встречали его с истинной радостью и сочувствием, доставляя казну на подмогу и собирая ратных людей из окрестных мест. Так оно двигалось из города в город вверх по Волге и прошло Балахну, Юрьевец, Решму, Кинешму, Кострому и пришло к Ярославлю еще по зимнему пути.

В Балахне к нижегородцам пристали балахнинцы и толпа дворян и детей боярских, разогнанных из-под Москвы, под начальством Матвея Плещеева. Из Балахны усиленное свежими силами ополчение выступило в Юрьевец; здесь к нему пристали юрьевецкие татары, которым дали жалованье. Из Юрьевца ополчение перешло в Решму. Тут оно было встречено посланцами из Владимира, от воеводы Артемия Измайлова, давнишнего друга Дмитрия Михайловича Пожарского. Он извещал, что Заруцкий и Трубецкой с казачьим полчищем, стоящим под Москвой, целовали крест вору, который в Пскове назвался царем Дмитрием. Вслед за этими посланцами явились посланцы от самих подмосковных предводителей. «Мы прельстились, – писали Трубецкой и Заруц-

кий, — мы целовали крест на том, чтобы всем православным христианам быть в единогласии. Идите под Москву, не опасайтесь». Эту грамоту Пожарский велел прочитать всему своему ополчению, и через посланных был дан такой ответ: «Мы никакого развращения и опасения не имеем; идем под Москву вам в помощь, на очищение Московская государства». Пожарский и Минин не поверили, правда, казацкому раскаянию, у них было твердо положено не соединяться с казаками; однако, не желая преждевременно раздражать их, они дали Заруцкому и Трубецкому такой успокоительный ответ. Из Решмы ополчение пришло в Кинешму. Здесь также оно было принято с радостью и получило подмогу казной. Дав отдохнуть войску несколько времени в Кинешме, Пожарский пошел в Кострому, где ожидал его иной прием. Костромским воеводой был Иван Шереметев. Его считали одним из виновников гибели Ляпунова. Теперь он был поставлен на воеводство московскими боярами. Следуя их увещательным грамотам, убеждавшим остаться в повиновении Владиславу, он не пускал в город ополчение и намеревался отбиваться от него силой. Но у костромичей было мало охоты стоять за польское дело; многие из них вышли навстречу к Пожарскому и Минину, прося их прибыть в город и обещающая стоять с ними заодно.

Пожарский подвинул свое войско к костромским посадам. Тогда костромичи, оставшиеся в городе, разделились: одни держались приказаний своего воеводы, другие крича-

ли, что он изменник, и переходили к Пожарскому. Последняя партия была многочисленнее. Она бросилась на воеводский двор, низложила Шереметева и чуть не убила его; его спас от разъяренной толпы князь Пожарский.

Пожарский и Минин вошли в Кострому, взяли с костромичей казны на подмогу и назначили им воеводой вместо Шереметева князя Гагарина с дьяком Андреем Подлесовым.

Тут пришли к Пожарскому послы от суздальцев с просьбой уделить им ратных людей на помощь против Просовецкого, бродившего со своей шайкой около их города.

Пожарский разрознил свое войско и отрядил к Суздалю своего родственника, князя Романа Петровича Пожарского, с нижегородскими и балахнинскими стрельцами; они отогнали Просовецкого от Суздаля.

Сам Пожарский повел ополчение в Ярославль. В Ярославле нижегородское ополчение было встречено с особенной радостью и с большим почетом. Пожарскому и Минину ярославцы принесли даже многие дары; но предводители ничего не приняли: не за тем они шли, чтобы собирать себе дары по городам, хотя это была самая обычная почесть в русском старинном быту при всякой встрече и при всякой радости.

Это было в начале апреля. В Ярославле Пожарский стоял с лишком два месяца. Были многие причины этой долгой стоянки. Надобно было подождать, пока подойдут из городов ополчения и пришлют казны, надобно было узнавать и разведывать, что делается в Польше и какие силы может

против нас выдвинуть польский король; кроме того, Новгород договорился со шведами признать шведского королевича царем московским, и Пожарскому надо было обезопасить себя от шведов, чтобы они не пошли на русских войной принуждать их брать на царство их королевича.

Но самое главное, на чем стоял и чего добивался Пожарский, оставаясь в Ярославле, – это «всемирное соединение», общее согласие всех городов в одной мысли, прекращение розни и криводушия как корня всего зла. С этой целью он требовал отовсюду присылки выборных для общего земского совета. А чтобы достигнуть единения мыслей в городах, очень удаленных друг от друга, и добыть необходимые сведения из разных мест, нужно было время¹⁰.

Окружая себя выборными людьми со всей земли Русской, Пожарский хотел довести до сознания всех, что предводители нижегородского ополчения, идущие в Москву, имеют законное значение, освященное волей всей земли, и могут смело говорить, что подняли не произвольный мятеж, а идут по совету всего народа Московского государства. В этом заключалась главная, побеждающая сила нижегородского ополчения, в нем олицетворялась лучшая часть земли Русской, здоровое ядро и основа.

Под Москвой тем временем все по-прежнему стояло ка-

¹⁰ Вспомним о состоянии тогдашних путей сообщения и о многих других препятствиях, какие всегда являются в военное и притом смутное время. Ни почт, ни телеграфов в то время не было, и все сношения производились чрез *нарочных*, успевавших служить с истинной отвагой и преданностью.

зацкое войско. Вскоре по прибытии в Ярославль Пожарский получил грамоту от троицких властей с просьбою идти *на-спех* под Москву.

«28 марта, – говорилось в этой грамоте, – приехали в Сергиев монастырь два брата Пушкины. Прислал их к нам для совета боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, чтоб мы послали к вам и все бы православные христиане, соединяясь, промышляли над польскими и литовскими людьми и над теми врагами, которые теперь завели смуту. Соберитесь, государи, в одно место, где Бог благословит, и положите совет благ. Станем просить у Вседержителя, да отвертит свой праведный гнев и даст стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальным нам, православным христианам, порухи не сделали. Молим вас усердно, поспешите прийти к нам в Троицкий монастырь, чтоб те люди, которые теперь под Москвою, рознюю своею не потеряли Большого Каменного города, и острогов-укреплений, и народу».

Но Пожарский, по выражению летописца, многомолебное писание от обители в презрение положил. И он имел на это серьезные основания, хотя и сам давно рвался сердцем к Москве. Он считал невозможным отважиться идти под Москву с малыми силами. Гораздо благоразумнее было не спешить и надежнее обеспечить себя со всех сторон.

7 апреля из Ярославля пошли грамоты по городам. В этих грамотах излагались прошлые и настоящие бедствия Московской земли и ее народа, а затем говорилось: «По всемир-

ному совету пожаловать бы вам, господа, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей по два и с ними совет свой отписать за своими руками... и прислать к нам в Ярославль денежную казну ратным людям на жалованье»¹¹.

В Ярославль один за другим приезжали стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские и всяких чинов люди и вступали в ополчение; посадские люди привозили денежную казну. Тем не менее, однако, под Москву нельзя еще было предпринять немедленного похода; казачьи шайки бесчинствовали по окрестным городам, заняв Углич и Пошехонье, засев в Антониевом Бежецком монастыре. Шведы стояли в Тихвине. Нельзя было двинуться на юг, оставив в тылу этих врагов.

Против казачьих шаек были отправлены отряды, с успехом окончившие данное им поручение. Князь Мамстрюкович-Черкасский был послан против черкас (малороссийских казаков) в Антониевом монастыре, но изменник Юрий Потемкин-Смолянин, убежав, дал знать черкасам, что на них идет рать, и те, оставив монастырь, бросились к границе. В

¹¹ У грамоты находятся подписи, из которых мы узнаем начальных людей рати. Несмотря на то что главным вождем ополчения был избран Пожарский, первые места уступлены людям, превышавшим главного вождя саном. Первая подпись принадлежит боярину Морозову, вторая – боярину князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукому, третья – окольниковому Головину, четвертая – князю Ивану Никитичу Одоевскому, пятая – князю Пронскому, шестая – князю Волконскому, седьмая – Матвею Плещееву, восьмая – князю Львову, девятая – Мирону Вельяминову, десятая – уже князю Пожарскому; на пятнадцатом месте читаем: «В выборного человека всюю землею, в Козмино место Минина князь Пожарский руку приложил». За Мининым следуют еще 34 подписи.

Кашине князь Мамстрюкович-Черкасский соединился с отрядом князя Лопаты-Пожарского, посланного в Пошехонье и разбившего наголову буйствовавших там казаков. Соединенными силами двинулись они против казаков под Углич и, разбив их, возвратились в Ярославль.

Воевода Наумов с казаками справились легко, отогнали отряды Заруцкого от Переславля. Но гораздо труднее было уладить другое дело – с Новгородом и шведами. Когда со смертью Ляпунова расстроилось первое земское ополчение, Новгород, как мы знаем, отделился от Москвы и отдался под покровительство Швеции. В нем и теперь стоял Делагарди со шведским войском. Князь Дмитрий Михайлович и Козьма начали думать со всей ратью, духовенством и посадскими людьми, как бы земскому делу было прибыльнее, и положили отправить послов в Новгород к митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди. С грамотами отправлен был Степан Татищев с выборными из каждого города по человеку. У митрополита и Одоевского спрашивали, на чем состоялся у них договор со шведами. А к Делагарди писали, что если король шведский даст брата своего на царство и окрестит его в православную христианскую веру, то они рады быть с новгородцами в одном совете. Это было написано для того, говорит летопись, чтоб, когда пойдут под Москву на очищение Московского государства, шведы не пошли воевать поморские города. На самом же деле теперь уже ни у кого не было серьезного желания иметь царем ни шведского,

ни польского королевича.

19 мая Татищев возвратился из Новгорода в Ярославль с ответом от митрополита Исидора, Одоевского и Делагарди, что они пришлют в Ярославль послов от всего Новгородского государства. Со своей же стороны, Татищев объявил, что в Новгороде добра ждать нечего.

В начале июня начальники ополчения разослали грамоты по украинским городам, державшимся Псковского вора, Марины и сына ее, с увещанием отставать от ведомого вора и быть в соединении с ними. «Объявляем вам, что 6 июня прислали к нам из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой, Иван Заруцкий и всякие люди повинную грамоту; пишут, что они своровали, целовали крест Псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой вор, отстали от него и целовали крест впредь другого вора не затевать и быть с нами во всемирном совете».

На этот раз из подмосковного стана писали правду: 11 апреля приехал оттуда во Псков опознавать вора Иван Плещеев, тот самый, по заводу которого весь подмосковный стан присягнул 2 марта псковскому самозванцу. Плещеев, по словам летописи, обратился на истинный путь, не захотел вражды в родной земле и начал говорить всем, что это истинный вор. Очень может быть, что несогласие многих в самом подмосковном стане, несогласие северо-западных городов (так, в Тверь не пустили Плещеева, товарищам его и казакам хлеба купить не дали) содействовало обращению Плещеева на

истинный путь. Как бы то ни было, отказ его признать вора произвел свое действие: 18 мая вор решился бежать из города вместе с воеводой князем Хованским. Но Плещеев пошел в переговоры с Хованским и убедил его отстать от вора. Самозванец бежал из города ночью один, не успев оседлать коня и даже надеть шапки. За ним бросились в погоню, поймали, 20-го числа привели назад в город и посадили в палату, а 1 июля повезли в Москву, где и казнили.

Но среди этих успехов и в самом Ярославле происходили смуты. Сюда явился из Казани известный нам Иван Биркин. Ему не удалось с Шульгиным добиться того, чтобы Казань не послала вовсе людей для ополчения: казанцы хотели идти, и Биркин сам повел их, но в дороге настраивал их против Пожарского и Минина. Шедший с ним татарский голова Лукьян Мясной не потакал Биркину, и оба они были во взаимной вражде. Казанцы пришли в Ярославль. Биркин как начальник одного из собравшихся в Ярославле ополчений стал добиваться участия в совете, а Минин как личный его враг вооружил против него бояр и дворян – его не хотели допустить в совет. Тогда Биркин ушел назад; за ним пошли казанцы. Остался только Лукьян Мясной с двадцатью человеками мурз и князей и с тридцатью дворянами, да стрелецкий голова Постник Неелов с сотней стрельцов¹².

¹² Они пробыли в нижегородском ополчении до самого конца похода, но по возвращении домой их ждала плохая участь: Лукьяна Мясного и Постника Неелова Шульгин совсем уморил в тюрьме, и вообще все они претерпели многие беды и напасти от казанского воеводы.

Однако смуты в Ярославле не прекратились, и по уходе Биркина начались споры и соревнование между начальниками о старшинстве. Каждый из ратных людей принимал сторону своего воеводы, а рассудить было некому. Тогда придумали по старине взять в посредники, в третейские судьи, духовное лицо и послали к бывшему ростовскому митрополиту Кириллу, жившему в Троицком монастыре, чтобы он был на прежнем столе своем в Ростове. Кирилл согласился, приехал в Ростов, потом в Ярославль и стал укреплять людей; когда начинались споры, враждующие стороны должны были обращаться к нему за советом и судом.

В июле в Ярославль приехали обещанные послы новгородские: из духовных – игумен Вяжицкого монастыря Геннадий, из городских дворян – князь Феодор Оболенский, да из всех пятин из дворян и из посадских людей по человеку. Эти послы требовали, чтобы Московское государство было в соединении с ним, Великим Новгородом, и признало бы государем выбранного им шведского королевича Филиппа. Переговоры, начавшиеся по этому поводу, кончились тем, что Пожарский не согласился вступить ни в какие обязательные отношения к Швеции. Но чтобы явным разрывом не возбудить шведов против ополчения, положили отправить в Новгород посла Перфилия Секерина для продления времени, для того только, чтобы, говорит летописец, не помешали немецкие люди идти на очищение Московского государства, а того у них и в уме не было, чтобы взять в Московское

государство иноземца. «Если, господа, – писали начальники ополчения новгородцам, – королевич по вашему прошению нас не пожалует и в Великом Новгороде нынешнего года по летнему пути не будет, то во всех городах всякие люди о том будут в сомнении. А нам без государя быть невозможно. Сами знаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя. А до тех пор, пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и задоров никаких не делать».

Только 26 июля ополчение могло без помехи двинуться под Москву. И оно стало уже собираться в поход из Ярославля. Но в это время случилось происшествие, которое произвело тяжелое впечатление на всех, в особенности же на главного вождя ополчения. Заруцкий употребил последнее средство избавиться от Пожарского и расстроить ополчение: он подослал к Пожарскому убийц. Из подмосковного стана приехали в Ярославль двое казаков, Обреско и Степан. У них были уже здесь соумышленники: Иван Доводчиков, смолянин, смоленские стрельцы Шанда с пятью товарищами да рязанец Семен Хвалов. Последний жил на дворе у князя Пожарского, который кормил его и одевал. Злоумышленники придумывали разные способы умертвить Пожарского, хотели зарезать его сонного; наконец решили умертвить его где-

нибудь на дороге в тесноте. Однажды князь был в съезжей избе, откуда пошел смотреть пушки, назначенные под Москву, и рассуждал, какие взять с собой под Москву, а какие оставить. От тесноты он принужден был остановиться у разрядных дверей, чтобы дать пройти народу. Казак, именем Роман, взял его за руку, вероятно для того, чтобы помочь выбраться из толпы. В это время заговорщик, казак Степан, кинулся между ними, хотел ударить ножом в живот князя, но промахнулся и ударил Романа по ноге. Роман упал и начал стонать. Пожарский никак не воображал, что удар был направлен против него, думал, что несчастье случилось по неосторожности и тесноте, и хотел уже идти дальше, но народ бросился к нему с криком: «Он хотел убить князя!» Начали искать и нашли нож. Схватили убийцу, который на пытке повинился во всем и назвал товарищей, которые также сознались. По приговору всей земли преступников разослали в города по тюрьмам, некоторых же взяли под Москву на обличенье; там они вторично повинились перед всей ратью и были прощены, потому что Пожарский просил за них. «А убить ни единого не дал князь Дмитрий Михайлович», – прибавляет летопись. Конечно, толпа не пощадила бы, по крайней мере, главных злодеев. Но не кровь начинать шел Пожарский, а умиротворение.

Между тем Заруцкий, подсылая тайно убийц, явно вместе с Трубецким, отправил к Пожарскому официальных послов с известием, что Ходкевич приближается на помощь

осажденным в Кремле полякам с войском и припасами, и надобно Пожарскому с ополчением спешить к Москве. После этого нельзя было уже более медлить. Пожарский отправил передовые отряды: первый под начальством воеводы Михаила Самсонова Дмитриева и Федора Левашова. Им было наказано, пришедши под Москву, не входить в стан к Трубецкому и Заруцкому, но поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Второй отряд был отправлен под начальством князя Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского и дьяка Семена Самсонова, которым велено было стать, также особо, у Тверских ворот.

Кроме известия о движении Ходкевича была еще и другая причина спешить походом к Москве: надобно было спасти дворян и детей боярских, находившихся под Москвой, от буйства казаков. Украинские города, возбужденные грамотами ополчения, выслали своих ратных людей, которые пришли в стан к Трубецкому и расположились в Никитском остроге. И было им от Заруцкого и от казаков великое утешение. Несчастные украинцы послали в Ярославль Кондырева и Бегичева с товарищами просить, чтобы ополчение шло под Москву немедленно спасти их от казаков. Когда посланные увидели здесь, в каком довольстве и устройстве живут ратники нового ополчения, то не могли промолвить ни слова от слез. Князь Пожарский и другие знали лично Кондырева и Бегичева, но теперь едва могли узнать их – в таком жалком виде они явились в Ярославль! Их одарили деньгами и

сукнами и отпустили с радостной вестью. что ополчение выступает к Москве. Но когда Заруцкий и казаки узнали, с какими вестями возвратились Кондырев и Бегичев, то хотели убить их, и они едва спаслись в полк к Дмитриеву, а товарищи их, остальные украинцы, присуждены были разъезжаться по своим городам. Разогнав украинцев, Заруцкий хотел прямо помешать и движению ополчения: он отправил многочисленный отряд казаков перенять дорогу у князя Лопаты-Пожарского, разбить полк и умертвить воеводу. Но этот замысел не удался – отряд Лопаты храбро встретил казаков и обратил их в бегство.

Наконец и главное ополчение выступило из Ярославля. Отслужив молебен в Спасском соборе у гроба ярославских чудотворцев (знаменитого князя Феодора Ростиславича Черного и сыновей его, Давида и Константина), взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех духовных властей, Пожарский вывел ополчение из Ярославля.

Глава V

*Я преследую врагов моих и настагаю их, и не
возвращусь, доколе не истреблю их.*

Псал. 17, ст. 38

Отошедши семь верст от Ярославля, войско остановилось на ночлег. Здесь Пожарский, сдав рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Козьме Минину, приказал идти в Ростов и ожидать его там, а сам с немногими людьми отправился поклониться гробам своих прародителей в Суздаль, в Спасо-Евфимиев монастырь, где впоследствии довелось лежать и ему самому. То был благочестивый обычай, наблюдаемый в княжеских родах перед начатием важных дел. Как было заранее условлено, он нагнал рать в Ростове. В этом городе к ополчению присоединилось еще много ратных людей из разных областей, так что Пожарский мог послать отряд под начальством Образцова в Белозерск на случай враждебного движения шведов.

Предстояло сделать еще одно важное распоряжение: митрополит Кирилл, бывший в Ярославле посредником и примирителем ссор между воеводами и ратными людьми, остался в своей епархии; нужно было иметь такое же лицо под Москвой, где вследствие соседства Трубецкого и Заруцкого предвиделось еще более распрей и ссор. И вот 29 июля Пожарский от имени всех чинов людей, написал к казанско-

му митрополиту Ефрему грамоту, в которой, извещая его о мученической кончине патриарха Гермогена, просил поставить избранного по общему приговору сторожевского игумена Исаию митрополитом на Крутицы и отпустить его под Москву к ним в полки поскорее, да и ризницу дать ему полную, потому что церковь Крутицкая в крайнем оскудении и разорении.

Между тем Заруцкий, услышав, что ополчение двинулось от Ярославля, собрался с преданными ему казаками, то есть почти с половиной всего войска, стоявшего под Москвой, и двинулся в Коломну, где жила Марина с сыном. Взяв их и разгромив город, он двинулся в рязанские области, обозначая свой путь грабежом и разорением, и остановился в Михайлове. Казаки, оставшиеся с Трубецким под Москвой, отправили атамана Внукова в Ростов просить Пожарского идти поскорее под Москву. Нужно, впрочем, сказать, что это посольство имело еще другую тайную цель: казаки хотели разведать, не затевает ли ополчение чего-нибудь против них.

Но Пожарский и Минин обошлись с Внуковым и товарищами его очень ласково, одарили их деньгами и сукнами и отпустили под Москву с известием, что идут немедленно, и действительно вслед за ними двинулись через Переславль к Троицкому монастырю¹³.

¹³ К пребыванию князя Пожарского в Ростове относится посещение им затворника-прозорливца Иринарха, живущего в Борисоглебском монастыре на Устье. Иринарх, предсказавший Василию Шуйскому бедствия России и нашествие поляков и смерть Сапеги, благословил пришедшего к нему Пожарского крестом и

Прибыв к Троице, встреченное с великой честью ополчение 14 августа расположилось между монастырем и Клементьевской слободой. Это был последний стан до Москвы, предстояло сделать последний шаг, и ополчением овладело раздумье: все были «в великой ужаси, как на такое великое дело идти». Боялись не осажденных поляков, не гетмана Ходкевича – боялись казаков. Пожарский хотел стоять в Троицком монастыре некоторое время, желая укрепиться с подмосковными казачьими таборами, чтобы друг на друга зла не умышлять. В самом ополчении встала рознь: одни хотели идти немедленно под Москву, другие не соглашались на это, говоря, что казаки манят князя Пожарского под Москву, для того чтобы погубить его так же, как Ляпунова. Но скоро из Москвы явились дворяне и казаки с вестью, что Ходкевич приближается и скоро будет в Москве. Пожарскому было уже не до уговора с казаками. Послав наскоро перед собой князя Туренина с отрядом и приказав ему стать у Чертольских (Пречистенских) ворот, он назначил 18 августа днем выступления всего ополчения к Москве.

В день выступления сердца ратных людей – от Пожарского до последнего человека – были исполнены тревожных чувств. Отпев напутственный молебен у Чудотворца и благословившись у архимандрита, ополчение выступило из мо-

предсказал ему полный успех, чем весьма ободрил его дух. По окончании своего славного подвига князь Пожарский возвратил Иринарху крест и в знак уважения и благодарности к нему освободил Борисоглебский монастырь от доставления припасов, собираемых от всех по случаю войны.

настыря; монахи провожали их крестным ходом. И вот когда ратники двинулись по Московской дороге, сильный ветер подул им навстречу от Москвы. Дурной знак! Сердца упали от нехорошего предзнаменования. Со страхом и тревогой подходили ратники к образам Святой Троицы и Сергия и к архимандриту, стоявшему на горе Волкуше и кропившему их святой водой. Но когда этот священный обряд был закончен, ветер вдруг переменялся и с такою силой подул в тыл войску, что всадники едва удержались на конях. Тотчас же все лица просияли, везде слышались обещания: «Умрем за дом Пречистой Богородицы, за православную христианскую веру!»

Пожарский предупредил Ходкевича и 20 августа подходил к разоренной столице. Время склонялось уже к вечеру, когда, не доходя пяти верст до Москвы, ополчение остановилось на реке Яузе. Посланы были отряды к Арбатским воротам – разведать удобные места для стана. Когда они возвратились, исполнив поручение, наступила уже ночь, и Пожарский решил провести ее на том месте, где остановился. Трубецкой беспрестанно присылал звать Пожарского к себе в стан, но воевода и вся рать отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками».

На другой день утром, когда ополчение подвинулось ближе к Москве, Трубецкой встретил его со своими ратными людьми и предлагал стать вместе в одном остроге, расположенном у Яузских ворот, но получил опять прежний ответ:

«Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

Пожарский расположился в особом укреплении у Арбатских ворот. Трубецкой и казаки рассердились и «начали на Пожарского, на Козьму и на ратных людей нелюбовь держать, что к ним в таборы не пошли».

И вот под стенами Москвы стоят два ополчения, имеющие, по-видимому, одну цель – вытеснить врагов из столицы, а между тем питающие друг к другу вражду и недоверие; стояло, однако, неизгладимое сознание, что то и другое ополчение состоят из братьев по крови и по вере. В этом сознании заключался залог победы над общим врагом.

Глава VI

*Пусть лютой враг, как лев, зияет,
Не страшен нам злохитрый ков его!
За нас молитва целого народа,
Детей и жен, и старцев многолетних,
И пенье иноков, и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
Полк ангелов и Божья благодать!*

Земское ополчение стало станом, обогнув часть Белгородской стены от Петровских ворот до Алексеевской башни на Москве-реке. Главное ядро его было у Арбатских ворот: там стояли Пожарский и Минин. Заложив стан, ратные люди стали копать около него ров и спешили работать, потому что постоянно выглядывали Ходкевича. Казаки занимали восточную сторону Белого города и Замоскворечья. В последнем месте им приходилось выдержать первый натиск неприятеля. Все Замоскворечье было хорошо укреплено: прорыты были рвы, в которых должна была сидеть казацкая пехота.

Через день после прибытия Пожарского ратные люди увидели на западе приближающееся к ним войско. Это был Ходкевич, с которым кроме старого войска шли новые силы. Он вез несколько сот возов с провиантом, который ему нужно

было провезти в Кремль и Китай-город осажденным. В этом состояла вся задача его предприятия.

Чтобы преградить ему путь, русское войско расположилось так: Пожарский стал на левом берегу Москвы-реки, у Новодевичьего монастыря, а Трубецкой – на правом, у Крымского двора, в тылу переправы. Трубецкой прислал сказать Пожарскому, что для успешного нападения на гетмана со стороны ему необходимо несколько конных сотен. Пожарский выбрал пять лучших сотен и отправил их на тот берег.

На рассвете 21 августа Ходкевич перешел Москву-реку у Новодевичьего монастыря и напал на Пожарского. Бой продолжался с часа по восходе солнечном до восьмого и грозил окончиться дурно для Пожарского: не выдержав натиска неприятеля, он принужден был отодвинуться к Чертольским воротам. Видя, что русская конница не в состоянии биться с польской и венгерской конницей, неизмеримо более опытной и искусной, он велел всей своей рати сойти с коней и биться пешими. «И был бой зело крепок!» Хватались за руки с врагами и секли друг друга без пощады...

А на другом берегу ополчение Трубецкого стояло в совершенном бездействии. Казаки спокойно смотрели на битву и еще подсмеивались над дворянами: «Богаты пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Но не могли спокойно и равнодушно смотреть на битву головы тех сотен, которые были отделены к Трубецкому из ополчения Пожарского, –

они двинулись на выручку своих.

Трубецкой не хотел было пустить их, но они его не послушались и быстро рванулись через реку. Пример их увлек и некоторых казаков, которые пошли за ними, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Появление свежего войска решило дело в пользу Пожарского. Потеряв надежду пробиться с этой стороны к Кремлю, Ходкевич отступил назад, к Поклонной горе. С другой стороны кремлевские поляки, сделавшие вылазку для очистки Водяных ворот, были побиты и потеряли знамена. Но в ночь сто возов с запасами под прикрытием отряда из 600 человек пробрались в город: дорогу вдоль Москвы-реки указал русский изменник Григорий Орлов. Стража, опередившая возы, успела пробраться в город, но в это время явились русские, начали сильную перестрелку и овладели возами с провиантом.

24-го числа осажденные снова сделали вылазку из Китай-города – и на этот раз удачно: они переправились чрез Москву-реку, взяли русский острог, бывший у церкви Святого Георгия (в Яндове), и засели тут, распустив на колокольне польское знамя. А Ходкевич употребил этот день на передвижение своего войска от Поклонной горы к Донскому монастырю, намереваясь пробиться к городу по Замоскворечью через нынешние Ордынскую и Пятницкую улицы. По всей вероятности, он не надеялся встретить сильного со-

противления со стороны стоявших здесь казаков, быв накануне свидетелем их равнодушия и предполагая, что ополчение Пожарского захочет отомстить казакам и, в свою очередь, не пойдет к ним на помощь. Сам Трубецкой расположился по берегу Москвы-реки (от старых Лужников), а казачий отряд его сидел в остроге у церкви Святого Климента (на Пятницкой). Обоз Пожарского был расположен подле церкви Илии Обыденного. Сам же Пожарский с большей частью своего войска переправился на Замоскворечье, чтобы вместе с Трубецким не пропускать Ходкевича в город.

24-го числа, в понедельник, на рассвете Ходкевич собрал свое войско и решился идти напролом, чтобы во что бы то ни стало доставить осажденным запасы. Начался бой и продолжался до шестого часа по восхождению солнца. Поляки смяли русских и втоптали их в реку, так что сам Пожарский со своим полком едва устоял и принужден был переправиться на левый берег. Трубецкой со своими казаками ушел за реку. Казаки покинули и Климентьевский острожек, который тотчас же был занят поляками, вышедшими из Китай-города и распустившими свои знамена на церкви Святого Климента. Вид литовских знамен на православной церкви сильно раздражил казаков: они с яростью бросились опять к покинутому острожку и выбили оттуда поляков, не ожидавших такого внезапного нападения. Когда же казаки увидели, что бьются с неприятелем одни, а дворяне Пожарского им не помогают, они в сердцах опять вышли из острога, ругая дворян: «Что ж

это? Дворяне да дети боярские только смотрят на нас, как мы бьемся и кровь за них проливаем! Они и одеты, и обуты, и накормлены, а мы и голы, и босы и голодны. Не хотим за них биться!» Климентьевский острог снова был занят поляками, и Ходкевич расположил свой обоз у церкви Святой великомученицы Екатерины (на Ордынке).

Положение было страшное. Пожарскому дано было знать о волнении казаков. Видя успех неприятеля, а с другой стороны, не видя возможности с одним своим ополчением поправить дело, Пожарский и Минин решились прибегнуть к последнему средству – привлечь казаков к общему делу. Послан был князь Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский за троицким келарем Авраамием Палицыным, который в то время служил молебен в обозе у церкви Илии Обыденного. Пожарский упросил келаря отправиться в стан к казакам и уговорить их идти против врагов.

Авраамий Палицын, взяв с собой нескольких дворян, перешел на Замоскворечье, достиг острожка и увидел толпу казаков, стоявших над трупами литовцев. Он обратился к ним с такою речью: «От вас началось доброе дело, вам слава и честь. Вы первые восстали за христианскую веру, претерпели и раны, и голод, и наготу. Слава о вашей храбрости и мужестве гремит в отдельных государствах; на вас вся надежда. Неужели же, братия милая, вы погубите все дело?»

Эта речь растрогала казаков, и они закричали в один голос: «Хотим умереть за православную веру! Иди, отче, к на-

шим братьям-казакам в станы и умоли их идти на неверных. Мы пойдем и не воротимся назад, пока не истребим вконец врагов наших!»

Палицын поворотил к Москве-реке и увидел толпу казаков, возвратившихся после боя в свой стан. И этим произнес он горячее слово, и этих он тронул своим словом. «Кричите, – говорил он, – так: Сергиев! Сергиев! Чудотворец поможет, вы узрите славу Божию!»

Они отозвались все одним восторженным восклицанием: «Спешим пострадать за имя Божье! Сергиев! Сергиев!»

С этим восклицанием они поворотили к острожку на бой.

Затем Палицын перешел реку, достиг казацкого табора и увидел толпу упрямых: они пьянствовали и играли в зернь. И этих он так тронул своим задушевным словом, что они бросили свои забавы, схватились за оружие и с криком «Сергиев! Сергиев!» пустились в бой.

Видя общее движение казаков, ополчение Пожарского также двинулось вперед с другой стороны. Климентьевский острожек был опять отбит, причем одних венгров было побито 700 человек. Потом пешие засели по рвам, ямам, в крапиве и в саду, где только можно было попрятаться, чтобы не пропустить в город польских запасов. Однако большой надежды на успех не было ни в ком. Все крепко молились, полагаясь лишь на милость Божию, и всей ратью дали обещание поставить три храма: во имя Сретения Богородицы, Иоанна Богослова и Петра Митрополита, да поможет Бог одолеть

врага.

День склонялся к вечеру. Господь услышал вопль призывающих Его с верой, говорит летописец, и послал свыше помощь слабому и к ратному делу неискусному: Господь охранил нижегородца Козьму Минина Сухорука, от него же первого началось и соби́рание этого ополчения на спасение и очищение государства. При этом летописец как бы с радостью восклицает: «Да не похвалятся сильные своею силою и не говорят, что так это мы совершили. Не в крепкой силе пребывает Господь, но в творящих Его волю».

Минин задумал сам ударить на врагов, пришел к князю Пожарскому и стал просить людей, чтобы промыслить над гетманом. «Бери кого хочешь!» – ответил князь. Минин взял роту ротмистра Хмелевского, перебежчика поляка, да дворян три сотни. На том берегу, у Крымского двора (церковь Иоанна Воина), стояли две гетманские роты, конная и пешая. Переправившись за реку, Минин с великой приткостью ударил на эти роты. Они испугались и, не дожидаясь удара от русских, бросились бежать к гетманскому стану, причем одна рота смяла другую. Минин еще притче погна́л за ними¹⁴. Тогда наши ратные, засе́вшие в ямах и в крапиве, услышав крики битвы и видя, что Козьма с великим стремлением гонит поляков, все в один час от всех мест, где скрывались, повскакали как один человек и ринулись на гетманский стан.

¹⁴ В этой схватке за Минина был убит племянник его, бывшей с ним в ополчении.

За пешими двинулось и все конное ополчение. Поляки не могли выдержать этого дружного натиска. Потеряв 500 человек, Ходкевич вышел из Екатерининского стана и отступил на Воробьевы горы. Разгоряченные русские ратники и казаки хотели преследовать поляков, но осторожные воеводы остановили их, говоря: «Довольно! Не бывает в один день по две радости. Как бы после радости горя не отведать». Однако, расположив казаков и стрельцов по городскому рву, они велели всю ночь держать неумолкаемую стрельбу из ружей. Такая была стрельба, что не было слышно, кто что говорит, а огонь и дым стояли как после великого пожара.

Ходкевич, отодвинувшись к Донскому монастырю, всю ночь стоял на конях, ожидая нового нападения, а на рассвете побежал совсем от Москвы.

Таким образом, Ходкевич оставил Москву, не достигнув своей цели: запасы, которые он вез своим осажденным соотечественникам, достались русским.

Глава VII

С Богом мы окажем силу; Он низложит врагов наших.

Псал. 107, ст. 14

С уходом Ходкевича из-под Москвы положение осажденных сделалось безнадежным. Русские решили стеснить их окончательно. Кремль и Китай-город были заперты со всех сторон. На Замоскворечье в черте деревянного города стояли казаки; на другой стороне русские выкопали глубокий ров, заплели высокий плетень в два ряда и насыпали земли между его стенами. В трех местах были построены туры, с которых палили в город: около Пушечного двора (на северо-западной стороне), у Георгиевского девичьего монастыря и на Кулишах у Всех Святых.

Казалось бы, ввиду славного и радостного дела – успеха над врагами должна была смолкнуть всякая злоба, всякий раздор. Но корень смуты не исчезал; он, как огонь, тлел под пеплом общего разгрома.

И прежде всего начальники стали между собою не в совете. Трубецкой начал величаться своим боярством, приобретенным у Тушинского вора, и потребовал от нижегородской рати, от князя Пожарского, от торгового человека Минина и от всех, чтобы приезжали к нему на совет, как к честнейшему, в его таборы. Но к нему никто не ехал – не потому, чтобы

не хотели ему воздать честь, а боялись от казаков убийства. Была всем очень памятна смерть Ляпунова, к которому на защиту не вышел Трубецкой, не заступился за него.

Затем скоро явились новые поджигатели вражды – Василий и Иван Шереметевы, князь Григорий Шаховской, известный старый заводчик смут, князь Иван Засекин и Иван Плещеев, тоже уже знакомый нам. Они восстановили казачьих атаманов, а через них и всех казаков против земства и особенно против князя Пожарского. «Нам не платят за службу, – кричали казаки, – дворяне обогащаются, получают поместья в Русской земле, а мы наги, босы и голодны!» Одни намеревались уйти на Украину, другие грозили напасть на дворян, ограбить их достояние и самих убить. Среди неурядиц и волнений келарь Авраамий отправился к Троице, и там архимандрит держал совет со старцами, как делу помочь. Денег в обители не было, но оставались нетронутыми церковные облачения, вышитые золотом, саженные жемчугами. Троицкие власти отправили их в залог казакам на 1000 рублей и обещали выкупить в скором времени. Вместе с тем было отправлено к казакам убедительное воззвание, в котором восхвалялось их мужество и доблести.

Когда троицкая грамота была прочитана в казачьем кругу, казаки были до того тронуты, что решили отправить назад присланные в залог церковные вещи. «Мы все сделаем по прошению троицких властей, – сказали они. – Какие скорби и беды не пришлось бы нам терпеть, все выстрадаем, а от-

сюда не отойдем, не взяв Москвы и не отомстив врагам за пролитие христианской крови». С таким ответом поехали к Троице двое атаманов.

Еще раз Троицкая лавра оказала великую услугу бедствующему отечеству.

С казаками уладили. Теперь оставалось уладить дело между начальными людьми осаждающей рати. Общим приговором порешили устроить советные съезды на Трубе (на Неглинной), почти на середине между казацкими таборами и нижегородским ополчением. Здесь воеводы Трубецкой и Пожарский с выборным человеком Козьмой установили одно правительство: перенесли сюда разряд и другие приказы, и всякие дела стали делать заочно, о чем и написали в города грамоты, присовокупив, что если которые грамоты будут приходиться к ним от кого-либо одного из воевод, то тем грамотам не верить, и свои грамоты также писать на имя обоих воевод. О том же соединении правящей власти были посланы грамоты и особо от всей рати для уверения.

15 сентября Пожарский послал в город к осажденным полякам письмо следующего содержания:

«Нам ведомо, что вы, будучи в Кремле в осаде, терпите немерный голод и великую нужду и ожидаете день со дня своей гибели, а крепитесь потому, что Николай Струсь и московские изменники Федька Андронов с товарищами упрашивают вас ради живота своего; и хотя Струсь учинился у нас гетманом, но не может вас спасти. Сами видели, как

гетман приходил и как от вас ушел со срамом и со страхом; а мы еще были тогда не со всеми силами. Объявляем вам, что черкасы, которые были с паном гетманом, ушли от него разными дорогами; дворяне и дети боярские, ржевичи, старичане и прочих ближних городов взяли в плен живьем пятьсот человек, а сам гетман со своим полком, с пехотой и со служилыми людьми ушел в Смоленск 13 сентября, и в Смоленске нет ни души; все воротились с Потоцким на помощь гетману Жолкевскому, которого турки разбили. Королю вашему Жигимонту приходится теперь о себе самом помышлять, кто бы его от турок избавил. Жолнеры Сапеги и Зборовского в Польше разорения чинят. Так вы не надейтесь, чтобы к вам кто пришел на помощь. Все горе стало от неправды короля вашего Жигимонта и польских и литовских людей, нарушивших крестное целование. И вам бы в той неправде душ своих не губить и нужды такой и голоду за них не терпеть. Присылайте к нам, не мешкайте; сохраните свои головы, а я беру вас на свою душу и всех ратных людей своих упрошу: кто из вас захочет в свою землю идти, тех отпустим без всякой зацепки, а которые сами похотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству; а кому из ваших людей не на чем будет ехать или идти не в силах будет от голода, мы подмогу дадим, и как вы из города выйдете, мы прикажем противу вам выйти».

На это великодушное предложение польские предводители написали гордый и грубый ответ, отвергая предложение

сдаться как измену, и укоряя московских людей в вероломстве по отношению к своим государям. Осажденные надеялись, что вернется гетман.

Проходили недели – гетмана не было. Русские палили со своих тур, направляя выстрелы больше всего на башни. крепким стенам ничего нельзя было сделать, а в середину опасно было пускать ядра, чтобы не повредить церквей. На Замоскворечье по всей линии стояли казаки. Несмотря на то что гарнизон был, таким образом, окружен русскими, оставалась возможность сношений. 6 октября жолнеры могли еще выслать двух товарищей с известием, что они не могут ждать более недели и должны будут умереть с голоду.

Ответа не было, некому было дать его – гетман был далеко. Осажденные оставлены были на погибель.

Через неделю после этого голод достиг ужасающих размеров. «В истории нет подобного примера, – говорит современный дневник, – описать трудно, что делалось. Осажденные переели лошадей, собак, кошек, мышей, грызли разваренную кожу с обуви – и этого не стало; грызли землю, в бешенстве объедали себе руки, выкапывали из могил гниющие трупы, и съедено было таким образом до 800 трупов, и от такого рода пищи и от голода смертность увеличивалась». При съедении умерших соблюдался строевой порядок. За подлежащего съедению товарища велись процессы, шло разбирательство, кто имеет право его съесть. В одной роте гайдуки съели умершего товарища. Тогда родственники умершего

принесли жалобу ротмистру, что они имели право его съесть по правам родства; а гайдуки доказывали, что товарищи его по службе имеют на это более права, находясь с ним в одном десятке. Ротмистр не знал, как рассудить их, и, опасаясь, чтобы раздраженные приговором не съели судью, бежал от них. Стали и живые бросаться на живых, сначала на русских, потом уж без разбора пожирали друг друга. Сильный зарезывал и съедал слабого; один съел сына, другой – слугу, третий – мать. Иные перескакивали через кремлевские стены и убивались или счастливо спускались и отдавались русским. Добродушные, те кормили их и потом посылали к стенам уговаривать товарищей сдаться.

Скучая осадой, русские хотели кончить скорее и стали рыть подкоп под Китай-город, но неискусно: как ни истощены были поляки, но сумели найти и уничтожить его, залили водой и поймали подкопщика. Однако это не помогло полякам удержать Китай-город.

22 октября Трубецкой, стоявший станом к восточной стороне Китай-города, ударил на приступ. Голодные не могли защищаться и ушли в Кремль. Русские вошли в Китай-город, и первое, что они там увидели, были чаны, наполненные человечинной.

В Китай-город вынесли с торжеством Казанскую икону Богородицы и дали обет построить церковь во имя ее. Эта церковь впоследствии действительно и построена и до сих пор служит памятником избавления царствующего града

Москвы и отечества от поляков¹⁵. Тогда, чтобы избавить себя от многолюдства, от лишних ртов, поляки выпустили из Кремля женщин и детей: то были жены и дети боярские.

С большим сочувствием к Пожарскому летописцы описывают поведение его при сдаче поляками Кремля¹⁶. Великородные бояре, предававшие постоянно отечество, очень опечалились, боясь бесчестья и всякого насилия своим женам со стороны осаждавшего их войска. К кому было обратиться? Кто бы защитил их от позора и взял на свои руки? Бояре послали просить об этом прямо к Пожарскому и к Козьме, здесь они надеялись найти добрых людей. Пожарский не только исполнил их просьбу, но во время выхода боярынь из Кремля сам выехал к ним, встретил и принял *с честью*, с почетом, проводил каждую в безопасное место к их знакомым и велел обеспечить их содержание. Казаки хотели за это убить Пожарского – они собирались ограбить боярынь-изменниц.

¹⁵ Теперь это Казанский собор, находящийся на Кремлевской площади против кремлевских Никольских ворот. В память избавления Москвы от поляков в 1613 году установлено совершать ежегодно 22 октября в Москве празднование иконы Богоматери с крестным ходом, который первоначально совершаем был в церковь Введения Божьей Матери на Лубянке, где находился дом князя Пожарского; когда же иждивением этого князя построен был Казанский собор, крестный ход стали совершать (и совершают до сих пор!) в этот собор. Сюда же в 1633 году перенесена самим князем из его дома Казанская икона Богоматери, бывшая с ним в походах.

¹⁶ Эти сказания дороги как свидетельства, что и русским людям XVII века во все не было чуждо сочувствие к истинно благородным человеческим поступкам.

Отпустив женщин, кремлевские сидельцы послали к русским предводителям послов, просили пощады, объявили себя военнопленными и выговорили одно только условие, чтобы сдавшимся оставили жизнь.

24 октября поляки отворили ворота на Неглинную (Троицкие) и стали выпускать бояр и русских людей: князя Федора Ивановича Мстиславского, Ивана Михайловича Воротынского, Ивана Никитича Романова с племянником Михаилом Федоровичем и матерью последнего, Марфой Ивановной, и других. И в этом случае Пожарский явился защитником несчастных и беззащитных.

Принять бояр он пришел со своим полком. Это было на Каменном мосту, у Троицких ворот Кремля. Как только казаки завидели выходящих бояр, они тоже поднялись всем полком, вооружились, распустили знамена и хотели броситься на них, однако были удержаны от этого ополчением Пожарского. Казаки покричали, пошумели и ушли в свои таборы. Пожарский и Минин с честью проводили бояр в свой земский стан.

На другой день, 25 октября, отворились все ворота Кремля. Земское войско собралось близ церкви Иоанна Милостивого, на Арбате, войско Трубецкого – за Покровскими воротами. И оттуда и отсюда пошли архимандриты, игумены, священники с крестами и иконами в Китай-город; за ними двигалось войско. Оба шествия сошлись на Лобном месте. Здесь запели молебен. Во главе духовенства стоял

доблестный архимандрит Дионисий, нарочно прибывший из своей обители. Затем из Фроловских (Спасских) ворот вышел к ним навстречу элассонский архиепископ Арсений с кремлевским духовенством, неся чудотворную Владимирскую икону Божьей Матери. Соединившись, все духовенство вошло в Кремль и совершило в Успенском соборе литургию и благодарственный молебен.

И в Кремле, как и в Китай-городе, русские увидели чаны с человеческим мясом, слышали стоны и проклятия умирающих в муках голода. Горько тронуло русских опустошение церковных и царских сокровищ. Поляки побросали оружие и ждали своей судьбы. Все имущество пленных было сдано в казну. Минин распорядился отбором, и все это отдали казакам в награду. Те пленники, которые достались на долю Пожарского и земских людей, уцелели – их отправили в разные города. Но казаки не вытерпели и, в противность крестному целованию, перебили чуть не всех поляков, доставшихся им. В Нижнем Новгороде народ хотел перебить пленников, препровожденных туда, и когда воеводы стали не давать их, народ до того озлился, что чуть было и самим воеводам не досталось. Насилу мать Пожарского уговорила нижегородцев.

В то время как полумертвые от голоду кремлевские сидельцы сдавались русским, польский король Сигизмунд выступил в поход на Москву вместе с королевичем Владиславом. Сначала весть об этом сильно всполошила русских. Но тревога оказалась напрасной. Король не мог собрать боль-

шого войска и двинулся с ничтожными силами, думая, что ему легко будут покоряться русские города, но ошибся в расчете. Послал он посольство в Москву уговаривать московское войско признать Владислава. Но это посольство даже и в Москву не было допущено. На поклон к Сигизмунду или Владиславу никто не явился. Поход по безлюдной и разоренной стране не представлял ничего привлекательного. По всем путям бродили ненавистные полякам «шиши», хватали и убивали польских солдат, когда те ходили в поисках продовольствия. Попытался было король взять Волок Ламский, да не смог. Кончился уже ноябрь, и наступила лютая зимняя стужа. Пришлось Сигизмунду вернуться в Польшу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.